

[Но Даочан хоть и красивый, но выглядит таким холодным, не знаю, справится ли он, у него, наверное, мало опыта?]

[Видно, что у вас нет опыта, мужчины в Цзиньцзяне сначала все холодные, а когда встречают свою любовь, сразу становятся талантливыми! Как волки! Готовы на всё!]

[Эй, эй, это всё незаконно, комментарии — не место для таких разговоров!!!]

[Сестрёнка, не переживай, мы только в интернете такие развратные, в реальности все скромные мальчики (подмигивание.jpg).]

[Эй, вы не отвлекайтесь, я уже умираю от нетерпения, полиция из комнаты Жун Руна пришла и рассказала, что он влюблён в Хо Юня!]

Получив своевременное обновление от коллеги, полицейский прищурился.

Теоретически, эти обстоятельства Хо Юня не имели прямого отношения к случаю самоубийства, но покойная, возможно, подвергалась травле, и вышестоящие органы издали указ, что правоохранительные органы не должны закрывать на это глаза, они должны выявить всех виновных и наказать в зависимости от тяжести проступка.

Кроме того, был один момент, о котором его коллега ещё не знал. Только что коллеги, оставшиеся в университете, нашли кое-что в комнате Сунь Сяосяо.

Среди этого стоит отметить двадцать семь писем Лянь Цюню, содержание писем было одинаковым, даже бумага и конверты не отличались, они сравнили их с письмом, которое Сунь Сяосяо дала Лянь Цюню днём, и они были идентичны.

Хотя в них не было признаний в любви, но такая «одержимость» заставила их обратить на это внимание, особенно учитывая, что в письмах подробно упоминалось сожаление о прерывании признания Лянь Цюня Хо Юню.

Полицейский сделал паузу, затем неожиданно спросил:

— Как вы относитесь к тому, что Лянь Цюнь вам симпатизирует?

Ответом ему стало долгое молчание.

Сунь Бинлун не торопился, как начальник уголовного отдела, у него было достаточно терпения, чтобы дожидаться, пока подозреваемый выдаст себя.

Хотя причина смерти покойной ещё не была установлена после всех необходимых процедур, но множество записей подтверждали, что это было самоубийство, а причины самоубийства указывали на то, что покойная подвергалась травле.

Хотя все доказательства указывали на то, что это просто случай самоубийства из-за невыносимой травмы, но многолетний опыт и интуиция Сунь Бинлуна подсказывали ему, что всё не так просто.

Особенно этот молодой человек, которого он допрашивал, вызывая у него странное чувство, он не считал это предубеждением.

Хо Цзюэ, под пристальным взглядом Сунь Бинлуна, наконец заговорил, он холодно сказал:

— Офицер Сунь, я не думаю, что сейчас и здесь подходящее время для шуток.

Сунь Бинлун не изменился в лице.

— Я это понимаю лучше вас. Согласно нашим данным, покойная Сунь Сяосяо прервала признание Лянь Цюня вам, мы просмотрели записи с камер, ваше выражение лица было не очень приятным, можете объяснить, почему?

Хо Цзюэ наконец слегка нахмурился, удивлённо сказал:

— Лянь Цюнь признавался мне? Когда? Я не знал об этом. Если есть запись, пожалуйста, покажите, может, я вспомню.

Сунь Бинлун подумал и показал запись.

Запись была нечёткой, это была дорожка от кухни до общежития, Сунь Сяосяо с трудом несла четыре термоса.

Вдруг она, кажется, что-то заметила и посмотрела в сторону кустов.

Камера увеличила изображение, за кустами, кажется, стояли два высоких парня, они стояли близко, о чём-то разговаривали.

Сунь Сяосяо так увлеклась, что споткнулась, термосы чуть не упали, но их поймали руки, появившиеся из-за кустов.

Ими оказались Хо Цзюэ и Жун Рун.

Затем Сунь Сяосяо начала кланяться им и извиняться, Жун Рун помог ей донести два термоса, а Хо Цзюэ шёл сзади с мрачным лицом.

Кадр остановился на лице Хо Цзюэ, его красивое лицо на слегка искажённой чёрно-белой записи выглядело мрачным.

— И что? Где тут видно, что Лянь Цюнь мне признавался? — Хо Цзюэ скрестил руки на груди, насмешливо усмехнулся.

— Это подтвердил сам Лянь Цюнь, — не спеша сказал Сунь Бинлун.

— Просто шутка между парнями, офицер Сунь, вы же не поверите в это?

Сунь Бинлун улыбнулся, его серьёзное лицо слегка смягчилось.

— Почему бы и нет?

Сказав это, он показал другую запись.

На экране Жун Рун сидел на стуле для допросов, его хрупкое тело погрузилось в него, он крепко держался за край стола, на чёткой записи были видны даже его побелевшие кончики пальцев, не говоря уже о его покрасневшем лице.

Из записи доносился его сбивчивый голос:

— Я давно его люблю, с первой встречи, просто тогда я не понимал этого...

Сказав это, Жун Рун прикрыл ладонями горящие щёки и взглянул в окно. Он признался, что бесчисленное количество раз пытался сдерживаться, но раз уж любовь пустила корни, ему остаётся лишь пассивно ждать, пока она разрастётся.

Хо Цзюэ молчал.

Актёр, игравший Сунь Бинлуна, не видел этого выступления раньше. Увидев его сейчас, он невольно дёрнул уголком рта. Какая преувеличенная игра.

Хо Цзюэ же слегка сжал губы, пытаясь скрыть внезапно участившееся сердцебиение.

***

Допрос закончился, и полицейские, как обычно, отпустили всех из комнаты 602.

Но Жун Рун и остальные знали, что они всё ещё находятся под пристальным наблюдением полиции.

Забранные посреди ночи, после долгих часов ожидания и допроса, они вышли из полицейского участка на рассвете. Воздух казался холодным и серым, только у входа в участок стояла палатка с паровыми булочками, откуда поднимался лёгкий пар, приносящий немного тепла.

Из четверых только Лян И выглядел особенно расслабленным. Он мягко отпустил руку Жун Руна и предупредил:

— Будь осторожен, я скоро вернусь.

Затем он мягко сказал всем:

— Я куплю немного булочек.

Лу Хуайнин тут же поддержал:

— Да, да! Я умираю от голода.

Он глубоко вздохнул, не то от облегчения, что наконец-то выпустили из этого места, не то от настоящего голода, который довёл его до головокружения, и побежал вслед за Лян И к палатке с булочкам.

На мгновение у входа в полицейский участок остались только Жун Рун и Хо Цзюэ.

Жун Рун с любопытством взглянул на палатку с булочками. Если бы не нужно было поддерживать образ хромого, он бы с радостью подбежал посмотреть, какие там начинки.

Хотя он давно практиковал воздержание от пищи, Жун Рун всё ещё был лисом, который любил удовлетворять свои гастрономические желания. К тому же Ту Янь говорил, что в человеческом обществе быть замеченным в том, что ты не ешь, — табу!

<http://tl.rulate.ru/book/5612/202483>